

Марцин Щигельский

ТЕАТР НЕВИДИМЫХ
ДЕТЕЙ

Марцин Щигельский

Театр невидимых детей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67555338

Щигельский М. Театр невидимых детей: Белая ворона; Москва; 2022

ISBN 978-5-00114-320-8

Аннотация

Польша, 1981 год. Михал с трех лет сирота. Он уверен, что любить – опасно, потому что близкие люди могут вдруг исчезнуть. Он живет в детском доме со строгим режимом и безучастными воспитателями. После очередной потери он попадает в учреждение для детей с психологическими травмами. Мы не узнаем их тяжелых историй. Мы увидим, как равнодушие окружающих позволяет пережить прошлое. Как любительский спектакль – наивный, искренний, полный страсти – помогает не бояться мечтать.

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марцин Щигельский

Театр невидимых детей

Marcin Szczygielski

Teatr Niewidzialnych Dzieci

© Marcin Szczygielski, text, 2016

© Emilia Dziubak, cover design, 2016

© Ирина Адельгейм, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2021

* * *

Театр – это самое важное в мире, потому что там показывают, какими все должны быть и какими мечтают быть, – правда, многим не хватает на это смелости, – и какие они в жизни.

Туве Янсон. Опасное лето Муми-тролля

Первая часть

Глава 1

Внимание! Это моя первая книга, и я не гарантирую, что она написана по всем правилам. Но мама сказала, что надо рассказать, как все было, так что попробую.

Только сразу предупреждаю: не ждите ни драконов, ни волшебства, ни магии, ни тому подобной всячины, потому что их тут нет, а если предпочитаете сказки, то лучше вообще закройте книжку, потому что никакая это не сказка. Кто знает, может, в один прекрасный день я и напишу какую-нибудь волшебную историю, но не сейчас.

Раньше я вообще не верил в магию, потому что мне самому ни разу не довелось с ней столкнуться. Я считал, что это рассказы для глупых малышей. Когда тети читали нам всякие волшебные сказки или когда их показывали по телевизору, я иногда даже злиться начинал. Ковры-самолеты, удивительные шкафы, которые переносят тебя в таинственные страны, амулеты, при помощи которых можно управлять временем, уродливые создания, исполняющие желания, – ну согласитесь, ведь чушь же полная! Случались, правда, такие моменты, когда хотелось во все это поверить. Особенно когда мне было очень плохо или, наоборот, когда за окнами

появлялись зеленые листочки, а ветви большого куста сирени – того, что растет за складом, – склонялись под тяжестью благоухающих кистей и наступала весна. Тогда я принимался выдумывать всякие небылицы и ловил себя на том, что по дороге в огород высматриваю на краю тропинки волшебную синюю бусину или, сидя в игровой комнате, копаюсь в коробке с карандашами в поисках того самого, единственного. И сам на себя сердился – ну что за глупости?! Разве там, где я живу, можно верить в магию? Рассчитывать на то, что появится удивительный человек с длинной разноцветной бородой и угостит кого-нибудь из нас таблеткой, от которой вырастут волосы, или на подоконник вдруг вспорхнет кролик, который прилетел нас спасти? Такие враки хороши разве что для Крикушки Анеты из группы «Висла» или Сопляка Марека из группы «Буг» – они не очень шустро соображают и часто плачут, причем не только ночью.

Ну, позже-то я убедился, что кое-какая магия на свете все же существует, и способностями к ней обладают многие из нас. Более того, все это не имеет ничего общего с заклинаниями или волшебными палочками! Магию мы носим в себе с рождения, у каждого она своя... Фокус в том, чтобы ее обнаружить, потому что она не всегда видна с первого взгляда.

Я узнал об этом вскоре после того, как меня перевели в «Дубовый лес» – ранней осенью прошлого года, когда мучительное, ужасно длинное и жаркое лето, все никак не желавшее сдаться и отбыть в южные края, каждый вечер сотря-

сало небо и землю грозами. Именно тогда я познакомился с Сильвией, которая...

Но, наверное, лучше рассказывать по порядку и начать с самого начала. А потому пристегните ремни безопасности, садитесь поудобнее и – поехали! Возвращаемся на год назад!

* * *

Ранняя весна, за складом, у самой помойки, уже расцвела сирень, а я злюсь на себя из-за того, что опять размышляю о всяких несбыточных вещах, вот, например, что...

– Михал, к тебе гость! – Тетя Йола улыбается, я, уронив цветные карандаши на пол, вскакиваю со стула, несусь к двери, выбегаю в коридор и мчусь на всех парах, аж ветер в ушах свистит. Бегу мимо столовой, после столика главного дежурного сворачиваю и оказываюсь в гостевой комнате, где еще никогда не был, ну, во всяком случае, с гостями, то есть с той целью, для которой ее придумали. Чтобы с кем-нибудь встретиться. Итак – я вбегаю в гостевую комнату... Застекленная дверь хлопает о стену, солнечный луч ложится золотой полосой на серо-зеленый линолеум, а сидевшая в кресле незнакомая женщина при виде меня встает и спрашивает...

– Что это такое?

Я отвожу глаза от легонько колышущихся на ветру зеленых листочков акации, что растет за окном игровой комнаты, и поднимаю на тетю Йолу отсутствующий взгляд.

Она склоняется над листком бумаги, который лежит передо мной, и рассматривает рисунок.

– Чего?

– Не чего, а что, – поправляет тетя. – Я спрашиваю про твой рисунок.

– А, рисунок... – бормочу я и тоже принимаюсь его разглядывать.

Вышло так себе, потому что черный карандаш почти сразу сломался. Черные карандаши у нас всегда ломаются первыми.

Половина рисунка закрашена одним цветом. Это неправильно, фон нужно закрашивать в конце.

– Кассиопея, – отвечаю я.

– Кассиопея? – повторяет за мной тетя Йола и берет рисунок. – А, из того фильма, да? «Москва – Кассиопея»?

– Нет, – качаю я головой. – Это созвездие.

О фильме я совсем забыл – мы посмотрели его неделю назад, ходили в кинотеатр «Единство» на улице Повстанцев, на утренний сеанс. Фильм очень классный, хотя советский, – я советское кино не очень-то люблю, потому что в нем плохие цвета. Плохие – в смысле ненастоящие... хотя если бы меня попросили объяснить, что я имею в виду, я бы не знал, что ответить. Но это как раз не новость, потому что я вообще не в состоянии ничего объяснить как следует, а уж тем более собственные мысли. Короче, в этом фильме человечество получает сигнал от другой цивилизации и запускает

в космос ракету с детьми – им-то и предстоит встретиться с представителями этой самой чужой цивилизации, обитателями созвездия Кассиопеи.

Фильм, как я уже сказал, классный, но, по-моему, мало-правдоподобный – во-первых, из-за этих приторных цветов, во-вторых, потому что в межпланетное путешествие отправили детей. Я не верю, что группа ребят в состоянии управлять космическим кораблем! Кто им разрешит? Детям ведь ничего не разрешают.

– Созвездие... – вздыхает тетя Йола и кладет рисунок на стол. – Ты должен был нарисовать своих близких.

– Я и рисую! Они там. В созвездии Кассиопеи. Они там живут! Там очень много места, потому что в этом созвездии больше ста звезд, – заявляю я.

– А ты помнишь, что я вам говорила о вранье?

– Я не вру! – кричу я. – Этих звезд правда больше ста! Я в энциклопедии прочитал!

– Не кричи.

– Я не к-к-кричу!!! – Я вцепляюсь пальцами в край стола и вдавливаю ногти в мягкую сосновую древесину.

Тетя Йола придвигает стул и садится рядом со мной. Стульчик маленький, детский, а тетя Йола очень большая и толстая, так что выглядит это забавно. Я ужасно злюсь, но все равно не могу сдержать улыбку.

Тетя Йола – самый толстый человек из всех, кого я встречал за всю свою жизнь. Даже считая тех людей, которых ви-

дел в кино и по телевизору. Она просто ужасно толстая! Наверное, толще ее нет на всем земном шаре. Это первая тетька, которую я так люблю, потому что чувствую, что она меня тоже любит. Правда любит – не притворяется и не из жалости. Так что я очень для нее стараюсь, и, говорят, делаю очень большие успехи, что само по себе здорово. Например, я уже почти не заикаюсь. Говорю тише, медленнее и редко кричу, хотя приходится прилагать жуткие усилия.

Раньше я часто кричал – конечно, не так, как Крикушка Анета, но все равно часто. И заикался, потому что говорил слишком быстро. Но причина не в том, что у меня что-то не в порядке с голосом. Просто, когда наконец удавалось заставить окружающих меня выслушать, я начинал торопиться, чтобы успеть сказать все, что собирался. Мне не хватало воздуха, а слова застревали в горле или убегали из памяти. Некоторое время ко мне даже ходил логопед, это такой специальный врач, который лечит речь, но от этих занятий получалось только хуже, потому что меня ужасно раздражали упражнения, которые он заставлял меня делать. Например, велел без конца повторять какие-то idiotские стишки или бессмысленные слова. А еще – втягивать воздух легкими, а не животом. По-моему, какая-то глупость, ведь человек не втягивает воздух животом, иначе бы он все время икал – как после газировки.

Тетька Йола не говорит мне, чтобы я не втягивал воздух животом. Она всегда умеет меня рассмешить. Ее интересует,

что мне снилось, о чем я думаю, что люблю. Даже если я начинаю немного заикаться, она совершенно не раздражается и не пытается договаривать за меня слова – я это терпеть не могу! Улыбается и ждет, пока я сам закончу. Для тети Йолы это важно, я чувствую. Поэтому и для меня это стало важно. Я хочу, чтобы она была мной довольна.

– Когда я попросила нарисовать самых близких для тебя людей, я имела в виду портрет тех, кто тебе дорог. Настоящих людей, а не придуманных, – объясняет тетя Йола.

– Я понял, – отвечаю я, изо всех сил стараясь не повышать голос. – Но я имел в виду другое.

– Что же?

Я открываю рот, но тут же закрываю. Чувствую, что снова начинаю волноваться. Вот всегда так, всегда! У меня в голове все есть, я все понимаю, но, когда пытаюсь объяснить, нужные слова куда-то деваются.

А ведь я знаю миллион слов! Куда же они деваются в такие моменты? Я краснею и молчу или начинаю заикаться. Из-за этого некоторые ребята думали раньше, что я – «чокнутый».

Я что хотел сказать? Что прекрасно знаю, зачем нужны эти рисунки! Можно подумать, мало мы рисовали всякой всячины, когда приходили психологи со своими тестами. Да сто тысяч раз! При желании я мог бы нарисовать такой рисунок на пять с плюсом, поскольку уже отлично разбираюсь, что нужно, чтобы получить высокий балл. Надо нарисовать сначала себя, потом тетю Йолу. Еще на рисунке

должны быть Невалышка, тетя Директор и желательно еще кто-нибудь из взрослых, например дядя Бухгалтер, которого, впрочем, я и в самом деле люблю. Все мы должны держаться за руки и широко улыбаться, цвета должны быть веселыми, небо – синим. И еще надо нарисовать наш «Молодой лес», какие-нибудь деревья и солнце. Психолог посмотрел бы на этот рисунок, поулыбался, покивал головой, а потом сделал бы в моем личном деле пометку, что я суперадаптированный, суперуравновешенный и супернормальный ребенок – ну почти как из обычной семьи!

Так что, если бы пришел психолог или врач, я бы и нарисовал такой рисунок – чтобы от меня отстали. Но для тети Йолы я хотел нарисовать что-то настоящее, что-то действительно от всего сердца. Конечно, моя семья не живет в созвездии Кассиопеи! Потому что нет у меня никакой семьи, я это отлично знаю. Но почему я не могу думать, что они там? Ведь я не убегу и не полечу к ним, потому что у меня нет ракеты, – впрочем, пока вообще еще не изобрели космический корабль, на котором можно улететь так далеко!

Этим рисунком я хотел показать, что для меня по-настоящему важно. Звезды! Может, у меня и нет никаких родных, ни одного своего человека, но ведь звезды принадлежат всем и каждому! Я отлично разбираюсь в звездах, прочитал о них кучу книг, некоторые очень сложные, совсем взрослые! Я уже различаю многие созвездия, даже могу отыскать их на небе! Я бы все отдал за настоящий телескоп и возмож-

ность смотреть через него на ночное небо...

Нужно было вначале телескоп нарисовать! Тогда бы тетя Йола скорее поняла, что я имел в виду!

– Пять часов, – говорит тетя Йола. – Уроков много задали?

Я качаю головой – мол, нет, не много, завтра ведь свободная суббота и в школу идти не нужно. На понедельник что-то задали, но до него еще два дня. Я люблю, когда суббота – выходной, и очень обрадовался, когда узнал, что скоро все субботы будут такими – по телевизору передавали, что с начала следующего года. Пока что у взрослых и школьников свободна каждая вторая суббота.

– Ну, тогда я больше не буду тебя мучить, – заявляет тетя Йола. – До ужина можешь делать что хочешь.

* * *

Меня зовут Михал, фамилия Шимчик. Я родился 10 февраля 1971 года в Катовице. Мою маму звали Зузанна, а папу – Михал, так же, как меня. Но я их не помню, потому что оба погибли в аварии, когда ехали на автобусе в Бытом – смотреть новую квартиру, которую им дали. То есть которую нам дали, я ведь тоже должен был там жить.

Моя мама была медсестрой и работала в больнице, а папа работал в шахте, но не шахтером, а в администрации – все это записано в моем личном деле, я знаю, потому что иногда прихожу к тете Директору и прошу мне его показать. Она

почти всегда разрешает, если только не очень занята. Я уже на память выучил все, что там написано, и у меня есть целых семь фотографий моих родителей и три – бабушкиных, а еще восемь снимков разных людей, о которых я не знаю точно, кто они такие, но очень может быть, что это тоже мои родственники. Я храню эти фотографии в сером конверте, который лежит на моей полке на складе, чтобы ребята не испортили.

Здесь, в «Молодом лесу» в Семяновице-Слёнске, я живу уже почти четыре года. Раньше я жил в доме малютки в Рыбнике, а до этого – у бабушки, но я то время не помню. Моя бабушка заболела и умерла, когда мне было три года, потому что она была очень-очень старенькая. Ей был восемьдесят один год, она родилась еще в девятнадцатом веке! Оказалось, что меня некому взять, так что я попал в дом малютки, где было очень плохо, но терпимо. Когда мне должно было исполниться семь лет, меня перевели сюда – таких больших детей в Рыбнике не держат. Здесь мне тоже было плохо, ну, во всяком случае сначала. Где-то с год, пока в «Молодой лес» не пришла работать тетя Йола, а в моей группе, которая называется «Сан», не появился Невалышка. Теперь у меня тут жизнь вполне сносная, во всяком случае обычно.

Детский дом «Молодой лес» очень отличается от дома малютки в Рыбнике, поэтому сначала мне пришлось нелегко. В Рыбнике гораздо меньше ребят, чем здесь, и это было лучше.

Там мы целый день играли в большой комнате или в саду, и я ходил в детский сад. Будили нас в семь, а не в шесть, как здесь, все дети хорошо знали друг друга – кроме новеньких, конечно, но с ними мы тоже быстро знакомились. Мой номер был двенадцать, он был вышит на всей моей одежде, на полотенце и даже написан на ботинках – изнутри, под язычком. В коридоре шкафчик с номером двенадцать – склада в Рыбнике не было, – а ключ от этого шкафчика хранился у тети Директора. Вообще номера в Рыбнике были важнее всего – даже важнее имен или фамилий, потому что мы были слишком маленькими, чтобы читать буквы, а номер легко выучить. Иногда из-за этих номеров случались всякие смешные недоразумения.

Например, как-то на прогулке одна девочка – восьмерка – увидела дом номер восемь. Мы в тот день шли вместе с тетей, семьей. Мне гораздо больше нравилось гулять семьей, чем парами, потому что люди тогда не сразу догадываются, что мы из детского дома. Идти семьей – значит идти группой, но не держась за руки, а как кто хочет – главное, чтобы за тетей.

Ну так вот, мы шли семьей, человек пятнадцать, и вдруг эта девочка увидела дом со своим номером. Она была младше меня, но ненамного. Сначала она замерла, а потом перебежала через улицу, открыла калитку и начала стучать в дверь. Колотила кулаками и кричала всякие глупости, потому что решила, что раз у нас все, на чем вышита или написана восьмерка, принадлежит ей, то и этот дом – тоже, и там

наверняка живет ее мама. Получился скандал, тетя распереживалась, а мы принялись бегать вокруг и орать как сумасшедшие.

Тогда из этого дома вышла какая-то женщина – она вообще не понимала, что происходит, а та девочка схватила ее за руку и не хотела отпускать. Тетя кричит, мы тоже кричим и вообще жуткий переполох, потому что соседи этой женщины тоже все повыходили на улицу – воскресенье же, так что народ сидел по домам и смотрел телевизор или разгадывал кроссворды. Наконец все утихомирились, тетя все объяснила, и люди разошлись. Женщина ушла в свой дом под номером восемь, а девочка под номером восемь ужасно плакала, но больше не скандалила. В наказание мы возвращались домой парами и ходили так на прогулки целую неделю, что, с моей точки зрения, было очень несправедливо. Но самое замечательное то, что через несколько дней эта незнакомая женщина из дома номер восемь пришла к нам в гости, чтобы увидеться с девочкой номер восемь – не помню, как ее звали. Потом она приходила еще и еще, и наконец забрала эту девочку на каникулы и стала ее тетей! Такие чужие тети и дяди – не из детского дома – называются гостевой семьей, и их можно навещать, проводить с ними праздники и каникулы – если, конечно, те сами пригласят, потому что по своему желанию к ним ходить не полагается. Ну, теоретически они даже могут стать приемной семьей, если ребенка можно усыновить или удочерить и удастся оформить все доку-

менты. Ту девочку удочерить было нельзя, потому что у нее имелся собственный папа, который, правда, сидел в тюрьме и не мог даже приехать в гости, но ни за что не соглашался, чтобы дочку забрала какая-нибудь другая семья.

Я сначала очень боялся, что меня кто-нибудь усыновит, – ведь никаких родственников у меня нет, так что теоретически это возможно. Но оказалось, что я уже слишком большой – с такими детьми, которым почти четыре года, как мне было тогда, мало кто хочет связываться, особенно с мальчишками. Когда я узнал, что слишком взрослый для усыновления, то испугался и пожалел – у меня так часто бывает. Например, сначала все утро думаю: «Ой, только бы на обед не селедка с картошкой, ой, только бы на обед не селедка...» – а когда мы наконец идем в столовую и оказывается, что на обед вовсе никакая не селедка, мне вдруг становится жалко. Вы понимаете, почему так? Я – нет.

Одно время у меня был такой дядя, он шесть раз сводил меня в кино, два раза брал к себе домой на Пасху и четыре раза – на прогулку, причем один раз очень далекую. Пришлось даже на автобусе ехать! Собственно, это была не обычная прогулка – мы поехали в лес за грибами, но ни одного не нашли, в смысле – хорошего. Попадались только несъедобные, про которые дядя сказал, что это заячья картошка, и не разрешил их собирать.

Мне дядя нравился, он научил меня играть в шашки и был не очень разговорчивым, так же, как я тогда. Дядя носил

красный свитер с горлом, борода у него была растрепанная, а сам он – очень высокий и очень серьезный, хотя, если его по-настоящему рассмешить, он очень громко смеялся и долго не мог остановиться. Один раз я его сам случайно рассмешил, как раз когда мы ехали в лес за грибами. Когда мы сели в автобус, дядя дал мне бумажный пакет с конфетами, но они быстро закончились. Ехать было интересно, но я все равно заскучал и стал этот пакет надувать. В конце концов он лопнул. Я даже не ожидал, что получится такой хлопок, прямо как пушечный залп! Мне кажется, за всю историю человечества ни один пакет так громко не лопался. В общем, раздался хлопок, и сидевшая передо мной женщина в платке вскочила со своего места и ужасно закричала – вопль был пронзительный и короткий, словно кто-то внезапно бросил ее в ледяное озеро. Я ужасно испугался, дядя сначала вытаращил глаза, а потом захохотал – от всего сердца и очень громко. Он все смеялся и смеялся и никак не мог перестать. Я, посмотрев на него, тоже стал смеяться, и другие люди в автобусе – тоже, кроме той женщины, которая очень на меня разозлилась из-за этого лопнувшего пакета. Потом, когда мы уже приехали на место и бродили по лесу в поисках грибов, дядя время от времени вспоминал женщину из автобуса и опять начинал громко смеяться. Но потом он получил работу в Перемышле, и ему пришлось уехать из Рыбника.

Он прислал мне восемнадцать почтовых открыток и два письма, правда коротких. Я тоже ему писал, то есть дикто-

вал тете, а она записывала и отсылала мои открытки – я их сам выбирал в киоске. Этого дядю звали Фридерик, точно так же, как Шопена. Я считаю, что это очень оригинально, и жалел, что у меня другое имя. Я даже спросил тетю Директора, нельзя ли мне его поменять и стать вместо Михала Фридериком, но она сказала, что это так просто не делается, только через суд, как усыновление. И добавила, что ведь имя для меня выбрали родители, так что это подарок от них на всю жизнь, и я должен ему радоваться. Я подумал и решил, что она права. С тех пор я люблю свое имя.

В наш детский дом в Рыбнике довольно часто приходили разные взрослые люди, которые хотели стать гостевой тетей или гостевым дядей или навсегда кого-нибудь усыновить или удочерить. Они усаживались в кресло в гостевой комнате, а тетя звала какого-нибудь ребенка, который, с ее точки зрения, этим людям подходил, или приводила сразу нескольких, чтобы те сами выбрали – кто им понравится. Гостевую комнату в доме малютки в Рыбнике я знал хорошо, потому что меня туда часто приводили. Сначала я боялся этих встреч, но позже – когда уже привык и стал забывать бабушку, у которой жил раньше, – мне тоже захотелось иметь гостевую тетю или гостевого дядю. Но чем больше мне хотелось, тем хуже все получалось. Я ужасно краснел, сидел словно аршин проглотил и был не в силах выдать из себя ни слова – даже улыбнуться заставить себя не мог. Лицо у меня делалось как будто железное! Другие дети умели быть веселыми, ластить-

ся к взрослым, много болтали и обнимали их – я никак не понимал, почему у меня не выходит! Только тот дядя Фридерик меня взял, а потом уже больше никто не хотел. Одна женщина пыталась со мной поговорить, но я так разволновался, что у меня даже слезы на глаза навернулись и я не смог произнести ни слова. Позже та женщина сказала тете Воспитательнице, что я «наверное, отсталый». Она говорила тихо, но я стоял рядом и слышал. Потом я уже сам отказывался ходить в гостевую комнату.

* * *

Ну вот, а теперь я вам немного расскажу о нашем детском доме – чтобы вы могли себе его представить. «Молодой лес» огромный, и построили его совсем недавно. Я теперь сообразил, что легче всего понять, старый дом или новый, по крыше или по потолку. В старых домах крыши покатые, а в новых – совсем плоские, и потолки в старых домах очень высоко, а в новых – низко. Может, это потому, что раньше люди были гораздо выше, чем теперь? Надо проверить в энциклопедии.

Но вернемся к нашему рассказу... «Молодой лес» большой, в нем целых шесть этажей! На воротах висит красная табличка с белой надписью: «Государственный детский дом „Молодой лес“». Мне эта табличка совсем не нравится, я считаю, что, если бы ее сняли, было бы гораздо лучше. Тогда прохожие не сразу бы понимали, что это детский дом,

и не смотрели бы на нас из-за забора с ТАКИМ выражением лица. ТАКОЕ выражение – это когда на лице появляются одновременно жалость и чуть-чуть отвращения, – мне самому становится нехорошо, когда я вижу у кого-нибудь ТАКОЕ выражение! Я уже шесть раз бросал в специальный ящик для идей, который висит в галерее, записку с предложением снять табличку при входе, и знаю (потому что этот вопрос очень часто поднимают на линейке), что многие другие ребята тоже это предлагали, и не раз.

В «Молодом лесу» живут семьдесят детей! Ужасно много, правда? Самым младшим – три года, а старшим – за двадцать. Этих, самых старших, называют уже тетями и дядями.

Кроме детей, в «Молодом лесу» есть еще множество действительно взрослых тетей и дядей, которые тут работают, – я здесь уже почти три года, но, пожалуй, не всех хорошо знаю. Знаю тетю Директора, которая нами руководит. Дядю Бухгалтера и двух тетей Бухгалтерш, которые сидят с ним в одной комнате. Тетей и дядей Воспитателей – их очень много. Тетю Доктора, двух тетей Медсестер, тетю Гигиенистку, тетю Кухарку, тетей Уборщиц, дядю Вахтера... Уф, их столько, что я, пожалуй, больше не буду перечислять, а то это займет целую страницу!

Лучше я напишу о тех, кого люблю: конечно, на первом месте тетя Йола, воспитательница нашей группы. У нас есть вторая воспитательница, тетя Матильда, но она так себе, не классная. Тетя Матильда обычно дежурит с нами ночью.

Я люблю дядю Радослава, который занимается бухгалтерией, то есть считает, сколько что стóит (всегда получается слишком дорого), сколько потрачено денег (всегда получается слишком много), и который приносит нам карманные деньги на неделю (всегда получается слишком мало) в рабочие субботы или в пятницу, если суббота выходная.

Я люблю тетю Янину, кухарку, потому что она всегда старается, чтобы мне досталась целая картофелина с края котла, а не раздавленная из середины – я такие не очень люблю.

Люблю тетю Стоматолога, хотя не люблю лечить зубы (очень не люблю!).

Люблю дядю Вахтера, который убирает двор и ухаживает за огородом... И конечно, люблю еще тетю Илону, воспитательницу двух старших групп – «Одра» и «Дунаец». Но тетю Илону любят все. Она у нас знаменитость, потому что летала на самолете, два раза была в Швеции, а еще у нее много заграничных вещей из валютного магазина на улице Повстанцев, то есть таких, которые можно купить только за доллары. Тетя Илона одевается очень ярко, носит длинную джинсовую юбку и футболку с надписью «АББА» – это очень известная музыкальная группа.

Видите, сколько у нас взрослых, которых я люблю! Я и сам не подозревал!

Вообще взрослых, которые работают в «Молодом лесу», можно разделить на три группы: «чувствительные», «холодные» и «нормальные».

«Чувствительные» тети и дяди мне не очень нравятся, потому что с ними много сложностей. «Чувствительная» тетя с одними слишком дружит, а к другим относится прохладно, поэтому ребята из-за нее ссорятся и дерутся. У «чувствительной» тети часто глаза на мокром месте, так что многие из нас тоже принимаются хлюпать носом и психовать. «Чувствительная» тетя может ни с того ни с сего тебя обнять, а потом вдруг, наоборот, сделаться ужасно строгой. Мне всегда казалось, что такие «чувствительные» тети многое делают из жалости, а не от доброты, так что я их не особо люблю. Правда, от «чувствительной» тети иногда может быть польза, потому что, если ты у нее любимчик, она может помочь избежать наказания, когда что-нибудь натворишь, угостит вкусеньким или что-то подарит, а может случиться – даже возьмет домой на воскресенье или на праздники.

«Холодные» тети и дяди – противоположность «чувствительным». Они никогда не смотрят в глаза, редко к тебе прикасаются и обращаются, только если без этого нельзя обойтись и только если нужно сказать, что делать полагается, а что – нет. «Холодных» не следует ни о чем расспрашивать и уж точно не стоит к ним бежать, если тебе приспичило поплакать или вообще грустно, потому что потом пожалеешь и будет еще хуже. Но вообще-то «холодные» – не такие уж плохие, потому что всегда известно, чего от них ждать, и, если вести себя правильно, никаких хлопот от них не будет.

И наконец, третья категория – «нормальные» тети и дяди.

Эти – лучше всех. Они помнят, как тебя зовут. Если тебе плохо, умеют поговорить об этом и объяснить разные вещи. Если нужно наказать – накажут по справедливости и забудут, а если тебя действительно обидели – накажут обидчика. «Нормальная» тетя может обнять, смотрит тебе в глаза, а если ты нарушил правила – например, встал ночью и подошел к ней, – сначала разберется, в чем дело, и, если причина действительно серьезная, крик поднимать не будет.

Разумеется, больше всего мы любим «нормальных» – к сожалению, такие у нас не задерживаются, потому что им часто предлагают работу получше, в других детских домах, где они становятся директорами или завучами.

Тетя Йола – «нормальная», так что я очень боюсь, как бы ей тоже не предложили работу, и изо всех сил держу кулаки, чтобы такого не случилось – хорошо бы вообще никогда-никогда. Я очень рад, что она такая страшно толстая, потому что в общем толстых не очень любят, так что, может, из-за этого никто не захочет предложить ей работу повыгоднее. Когда я получаю свою порцию конфет или сам покупаю их в магазине на карманные деньги, то всегда даю тете Йоле одну или две, чтобы она случайно не похудела.

Теперь расскажу немного о нас, то есть о детях из «Молодого леса». Мы разделены на группы, и каждая группа носит имя одной из польских рек. Я предлагал назвать наши группы именами созвездий, но за мою идею, к сожалению, проголосовало меньшинство, и ее не приняли. В каждой группе

около десяти детей – в зависимости от размера спальни, потому что вся группа спит в одной комнате.

В «Сане» нас восемь человек, потому что спальня у нас маленькая. Обычно в группе все ровесники, разве что нужно сделать так, чтобы в одну группу попали братья или сестры – тогда, конечно, кто-то будет отличаться по возрасту. В «Сане» у нас восемь мальчиков, все мы одногодки, за исключением Неваляшки, о котором я еще расскажу. Кроме нас с ним в группе «Сан»: Мирек, Шимек, Ежи, Куба, Мариуш и Зенек. Я перечисляю в том порядке, в каком с ними дружу.

Дети из одной группы вместе дежурят – например, убирают или помогают на кухне. Еще у нас есть своя грядка в огороде – на ней стоит табличка «Сан». На первомайских демонстрациях мы тоже идем вместе: одна колонна – одна группа. Я люблю первомайские демонстрации, потому что на них бывает очень весело. В прошлом году тетя Матильда дала нам большие яркие цветы из соломы и велела ими махать, но цветы быстро рассыпались, потому что мы начали ими драться.

Детдомовцы (то есть мы) делятся не только на группы, но и на всякие подгруппы – к примеру, «классные», «нормальные», «переростки», «хулиганы» и «чокнутые». Изредка встречается также тип, наихудший из всех, – «доставалы», которые способны по-настоящему отравить кому-нибудь жизнь и здорово измучить. К счастью, это продолжается не очень долго, рано или поздно тети и дяди замечают, что

происходит, и тогда «доставалу» переводят на ресоциализацию в специальный центр, о котором мы мало что знаем – только то, что это место страшное и никому не хочется туда попасть. Я не знаю никого, кто бы вернулся из такого центра обратно в «Молодой лес».

Если тебя не переведут в следующий класс два раза подряд, ты становишься «переростком». Большинство «переростков» – это одновременно «хулиганы» или «чокнутые».

«Нормальный» детдомовец – это такой, который ничем особенно не отличается от других – ни в лучшую сторону, ни в худшую. Учится сносно, экзамены сдает, дерется не слишком часто, не ворует и не доставляет неприятностей тетям. Я «нормальный», хотя чуть было не стал «чокнутым» из-за этого моего заикания и запинания.

«Классные» детдомовцы – особенные. Они обычно хорошо учатся, хотя дело не в этом, главное – «классные» помогают другим. Завяжут шнурки, если у тебя с этим проблемы, одолжат карандаш, если кто-нибудь свистнул твой, поговорят, если тебе плохо. У «классных» все получается, причем отлично. Занятия с тетей Яниной на кухне, в столярной мастерской или ателье: приготовленные ими блинчики – всегда самые вкусные, сколоченные ими скворечники – аккуратные и крепкие, сшитые ими мешки для сменки можно без стыда носить в школу. «Классных» все любят, их часто назначают старшими дежурными и выдвигают на всякие должности. Я бы не смог быть «классным», даже если бы очень захотел,

потому что мне кажется, что это ужасно утомительно! Так что я еще больше ими восхищаюсь.

Теперь «чокнутые», то есть те из нас, кто плохо говорит и плохо соображает. «Чокнутых» немало, но и не слишком много, потому что самых плохих, самых безнадежных переводят в специальные детские дома. «Чокнутые» ходят в специальные школы или учатся по специальной программе. Многие из них писают ночью в постель, спят, сунув палец в рот, и раскачиваются перед тем, как заснуть. Некоторых легко вывести из себя, они портят вещи или постоянно плачут. Крикушка Анета, которую я уже упоминал, – конечно, из «чокнутых»: если она вообще подает голос, то говорит громко и невнятно. Невалышка из нашей группы – тоже «чокнутый». Но он, хоть и «чокнутый», все равно очень классный.

Так что теперь слушайте про Невалышку.

На самом деле Невалышку зовут Себастьян, и он младше меня на полтора года. Он приехал к нам почти три года назад, и я мало знаю о том, как он жил раньше, потому что он не хочет об этом рассказывать. Невалышка говорит очень мало, можно сказать, почти не говорит. Сначала он мне не очень нравился – ну а кто вообще любит «чокнутых»? Я пригляделся к нему повнимательнее, когда он перестал разводить нюни, – всего недели полторы прошло после приезда. Обычно новенькие рыдают около двух недель, пока не привыкнут. Потом они плачут уже только по ночам, но по ночам каж-

дому иногда случается поплакать, верно? Должен вам заметить, что плач вообще-то мало что дает. Конечно, поначалу твои слезы могут кого-то тронуть, но, если это продолжается слишком долго, получается только хуже. Тети и дяди начнут раздражаться, а ребята (особенно «хулиганы») сочтут слабаком. А слабаков обижают, так что это замкнутый круг: ты плачешь, поэтому тебя обижают, потом плачешь, потому что тебя обидели, в результате тебя обижают все больше и больше, и плачешь ты тоже все больше и больше. Если уж так все закрутилось, ничего не поделаешь – в конце концов тебя просто переведут в другой детский дом, а там ведь может оказаться еще хуже. Так что, скажу я вам, лучше стиснуть зубы и дожидаться, пока погасят свет. Неваляшке, хоть он соображает и не очень шустро, хватило ума вовремя сориентироваться, как тут все устроено, и перестать хлюпать носом днем. Тогда я впервые подумал, что он, может, и ничего себе пацан. А почему Неваляшка стал Неваляшкой? Ну естественно, потому что он раскачивается. Это называется сиротская болезнь. Нам объяснили, почему дети ею болеют, но довольно путано, я потом сам догадался. Когда ребенок еще совсем маленький, мама носит его на руках и укачивает – я видел это по телевизору и на улице тоже. Так что, если у ребенка нет мамы или она про него забывает, он пытается сам себя укачивать. Но ведь сам себя ребенок не укачает так же хорошо, как это могла бы сделать мама! Поэтому он все раскачивается и раскачивается, даже если уже не младе-

нец.

Мне очень повезло, что я попал в детский дом, когда мне было целых три года! Потому что меня успели укачать – сначала мама, а потом бабушка. И я избежал сиротской болезни, чему очень рад, ведь ничего хорошего в ней нет.

Неваляшка раскачивается почти постоянно. Даже в комнате отдыха, когда сидит с кубиками или своим обожаемым комиксом о Титусе, Ромеке и Атомеке – все равно раскачивается туда-сюда. Хуже всего, конечно, когда он раскачивается в кровати, перед тем как заснуть, – когда он к нам приехал, никто в «Сане» не мог спать, потому что пружины жутко скрипели. К счастью, тетя Завхоз, которая отвечает за наши вещи, раздобыла специальный матрас из поролона, так что теперь Неваляшка нам уже не мешает и может спокойно раскачиваться, раз он без этого не может.

Неваляшка спит, сунув палец в рот, хуже того – ему случается описаться во сне, а тетя Матильда этого просто не выносит! Она всегда ужасно злится, если обнаруживает, что кто-то из ее воспитанников написал в постель. Передать вам не могу, что тогда начинается! В спальне тут же включают свет, все должны встать, а виновник – в наказание – сам относит свою мокрую простыню в подвал, в прачечную и бросает в специальный бак. Никому не нравится ходить одному в подвал, а уж тем более ночью, потому что там наверняка водятся привидения. Другие воспитатели так не скандалят, это одна из причин, по которой я не очень-то люблю

тетю Матильду. Невалюшка уже два раза оскандалился и после этого сделался ужасно нервным, а чем больше человек нервничает, тем больше вероятность, что он опишется ночью, верно? Так что Невалюшка теперь то и дело просыпается и проверяет, не мокрая ли постель. Я иногда долго не засыпаю, и вижу, что с ним происходит. Разумеется, однажды ночью Невалюшка снова нащупал под собой мокрую простыню. Сначала он расплакался, но очень тихо – я бы точно не проснулся, если бы спал, но я как раз не спал. Потом вытер нос, встал, отбросил одеяло и снял простыню с матраса, на котором у него лежит специальная клеенка, чтобы поролон не промок, если случится авария. Я потихоньку наблюдал, потому что мне было интересно, что он станет делать. Сначала Невалюшка свернул эту мокрую простыню в комок и запихал под кровать. Лег и накрылся одеялом, хотя оно наверняка тоже немного промокло. Потом встал, вытащил из-под кровати простыню, тяжело вздохнул и пошел к двери. Остановился, громко подышал, потом решительно взялся за ручку и нажал. Невалюшка решил спуститься в подвал! В темноте, посреди ночи! А я бы смог? Вряд ли. Да точно нет.

– Себастьян, – прошептал я, а Невалюшка подпрыгнул, словно его ударило током, и, конечно, расплакался еще сильнее, к счастью по-прежнему тихо.

Я встал и на цыпочках подошел к нему.

– Не реви, – шепнул я. – Засунь эту тряпку под кровать и спи. Завтра отнесем. Понял?

Неваляшка немного подумал, шмыгнул носом и покачал головой.

– Я должен пойти в пйацесную, – тихо заявил он.

Неваляшка не выговаривает «ж» и «ш», и вообще речь у него забавная – наверное, поэтому он предпочитает молчать. Он тяжело вздохнул и снова потянулся к дверной ручке, а я разозлился и восхитился одновременно. Не хватало еще наткнуться на тетю Матильду! Тогда она устроит скандал похлеще, чем если бы обнаружила описанную кровать! Нам не разрешается одним выходить ночью из спальни, а если кому-то уж очень приспичит, нужно сначала зайти к воспитателям в дежурку и только потом бежать в уборную. Этот запрет в нашем детском доме – один из главных, и его нарушение грозит наказанием не только виновнику, но и всей группе. Что мне было делать? Я пошел вместе с ним в этот подвал, где мы даже зажечь свет не могли, чтобы нас случайно не застучали. Честное слово, я от страха сам чуть не описался. Неваляшка бросил простыню в бак, и нам каким-то чудом удалось целыми и невредимыми вернуться в спальню. Когда мы топали босиком по ледяным ступеням на наш третий этаж, Неваляшка взял меня за руку, и я почувствовал, что люблю его. Меня это не слишком порадовало, но что тут поделаешь? Если уж ты кого-нибудь полюбил, не получится просто взять и разлюбить – разве что этот человек тебе гадость какую-нибудь сделает. А на какую гадость способен Неваляшка? Мозгов не хватит. Так что раз уж мне суждено

было полюбить Неваляшку, я стал его слегка опекать. Мне удалось пронести в спальню из сушилки две запасных простыни, и теперь Неваляшка знает, что, если снова произойдет авария, надо меня потихоньку разбудить. Мы вместе поменяем простыню, мокрую спрячем в полиэтиленовый мешок, который я специально держу в своей тумбочке, а на следующий день я уж позабочусь о том, чтобы простыня оказалась в прачечной.

Но знаете что? После той ночи Неваляшка оскандалился только один-единственный раз! И мне кажется, что в последнее время он стал меньше раскачиваться, чем когда только приехал к нам. Тетя Йола сказала, что Неваляшка делает большие успехи и что это моя заслуга. Я не очень с этим согласен – ну что я такого сделал? Ничего особенного! Иногда помогаю ему причесаться, иногда мы вместе работаем в огороде, потому что поначалу Неваляшка без конца выкапывал то, что посадил, чтобы проверить, не выросли ли у растений корни, – теперь-то он более терпелив. Я вожу его к тете Медсестре, если он поранится (Неваляшка рассеянный, поэтому, к сожалению, часто падает). Время от времени читаю вслух его любимый комикс о Титусе, потому что сам он читает плохо, – Неваляшке очень нравятся картинки, и он ужасно удивился, когда я ему сказал, что в книге есть еще и слова. Вот и все мои заслуги – кот наплакал.

Ну ладно, хватит уже о «чокнутых». Теперь «хулиганы»... Хотя про них-то догадаться несложно. «Хулиганы» выходят

за пределы территории «Молодого леса» без разрешения, а из школы (если вообще там бывают!) возвращаются ужасно долго. Они постоянно дерутся, пристают к младшим. Часто воруют или портят вещи и то и дело придумывают какие-нибудь идиотские штуки, которые чреваты большими неприятностями. А иногда просто шкодночают – например, дохлую крысу кому-нибудь в постель подкинут или рукава рубашки хитроумным узлом завяжут. Но случаются и вполне классные «хулиганы»: по отношению к другим детдомовцам они ведут себя нормально, а если уж с кем-нибудь дерутся, то разве что с одноклассниками – теми, что из обычных семей.

В «Сане» есть один классный «хулиган». Его зовут Мирек, он моего возраста, но крупнее и сильнее. Мирека посещают совершенно безумные идеи. Например, в прошлую субботу, когда дядя Радек выдал нам карманные деньги, Мирек подошел ко мне в галерее и поинтересовался: «Ты что предпочитаешь – спустить бабки на яд или потратить их на большое приключение?» Я посмотрел на него с беспокойством, потому что уж точно не собирался покупать на свои деньги яд!

– Какой еще яд? – спросил я.

Мирек кивнул мне – мол, иди за мной – и спрятался за витриной со знаменем.

– Сахар – это белая смерть, – сказал он. – По телику передавали. Так что, если ты купишь себе конфеты, это все равно как если бы ты купил яд, они ведь из сахара.

Конечно, я собирался идти за конфетами в магазин – тот,

что за автобусной остановкой. А именно за тремя красными петушками на палочке, один из которых предназначался тете Йоле. Ну что ж, раз они ядовитые, значит, нельзя – ведь хотя я заинтересован в том, чтобы тетя Йола была как можно толще, но уж точно не хочу, чтобы она отравилась!

– Ага, – покивал я, потом задумчиво посмотрел на Мирека и осторожно спросил: – Большое приключение – это как? А то если ты снова собираешься купить бутылку подсолнечного масла и разлить на ступеньках, то я против.

– Нет! – возмутился Мирек. – Это было глупо. К тому же она даже не упала...

Она – это тетя Матильда, которой Мирек в прошлое воскресенье подстроил ловушку. В результате наказали всю нашу группу – вместо того, чтобы смотреть после обеда телевизор, мы отправились на кухню, где почистили, наверное, миллион килограммов картошки. Тетя Матильда, правда, поскользнулась на разлитом масле, но – к разочарованию Мирека – не упала, продемонстрировав невероятную ловкость. Мирек все видел, потому что подглядывал, спрятавшись под подоконником на лестничной клетке. Потом он сказал, что тетя Матильда спорхнула с этой лестницы, словно «чокнутая чечеточница». Пока мы чистили картошку, он все время смеялся, и мы ужасно злились, потому что он-то хоть развлекся, а нам досталось одно только наказание, да еще из-за него!

– Пойдем за «Людвигами», – заявил Мирек.

– За Людвигами? – изумленно переспросил я. – Какими еще Людвигами?

– Ну как какими? «Людвиг», жидкость для мытья посуды! Ты со мной или нет?

Я подумал и кивнул – мол, да, с ним, интересно же. Если бы я не согласился, он бы ничего мне не рассказал. Я понимал, что в результате нас всех наверняка накажут, а так хоть какое-то развлечение. Так что я отдал Миреку две трети моих карманных денег, он побежал в магазин, а потом, спрятав под рубашкой, принес в спальню три бутылки «Людвига». Я очень долго не мог уснуть – все гадал, зачем Миреку столько жидкости для мытья посуды, но так ничего и не придумал и заснул. В воскресенье, сразу после завтрака, вместо того, чтобы идти вместе с остальными мальчишками на спортивную площадку, мы сбежали из «Молодого леса». Мирек повел меня на трамвайную остановку.

– Куда мы едем? – спросил я, когда подошел трамвай и Мирек встал со скамейки.

– В Хожов, – объяснил он, после чего щедро пообещал: – А потом я куплю нам мороженого. За свои деньги.

Я люблю Силезию, потому что города здесь расположены так близко друг к другу, что можно передвигаться на трамвае или на автобусе, словно это один большой город. И слава богу, иначе бы у нас возникли проблемы, потому что в Семяновице нет железнодорожной станции и в Хожов нам пришлось бы ехать на междугородном автобусе. Когда-то в Се-

мяновице был вокзал, но десять с лишним лет назад его закрыли, осталось только название улицы – Вокзальная, она ведет к парку Шахтеров, который рядом с металлургическим комбинатом «Единство». Здание, правда, тоже сохранилось, но оно пустует и превращается в руины. Вы не находите, что выражение «превращается в руины» – очень интересное и таинственное? Я услышал его по телевизору, и оно мне ужасно понравилось, так что я запомнил. Вещей у всех нас тут очень мало, так что я решил подмечать и коллекционировать всякие слова и определения – их множество, и это ничего не стоит, к тому же они не занимают места, ну и никто не стащит.

Ладно, вернемся к рассказу о Миреке и жидкости для мытья посуды «Людвиг». Мы сели в трамвай и – хоп! – мигом оказались в Хожове, который я знаю плохо, потому что был тут всего один раз. Мирек шел первым, я за ним, и минут через пятнадцать мы добрались до небольшой площади, посреди которой...

Ну а вы как думаете? Что было на этой площади и зачем Миреку три бутылки «Людвига»? Догадались? Потому что я сообразил только тогда, когда его увидел. Только тогда я понял, что Мирек задумал.

– Ты с ума сошел! – сказал я, вытаращив глаза. – Нас из-за тебя в исправительный центр отправят!

– Никуда нас не отправят, не дрейфь, – пожал плечами Мирек и внимательно оглядел площадь. – Милиции нет, от-

лично. Держи.

Он потихоньку подал мне одну из зеленых бутылок, а две оставил себе.

– Подойдешь оттуда и присядешь на парапет. Запомни, бутылку держи пониже и не отставляй в сторону. Так чтобы не было видно. Открутишь крышечку и выльешь, а потом делай ноги. Ясно?

Я взял эту бутылку, хотя сердце у меня прямо выскакивало из груди. С одной стороны, мне хотелось сбежать, с другой – было ужасно интересно, что получится. Я спрятал бутылку под рубашку, обошел площадь и уселся на бетонный парапет. Мирек сидел с другой стороны – мне было плохо видно, потому что его заслоняли брызги воды.

Вы уже догадались, что там было? Фонтан! Посреди площади стоял фонтан, из которого била высоченная струя воды, а потом опускалась вниз молочной лучезарной моросью. Ничего не скажешь, выглядело это очень красиво. Мирек подал мне знак, я быстро огляделся, открутил крышку, поднес бутылку к поверхности воды и перевернул. Черт, как же медленно лилась эта густая зеленая жидкость! Где-то неподалеку вдруг загудела машина, я испугался и уронил бутылку в воду, потом спрыгнул с бетонного парапета и помчался куда глаза глядят. Мирек догнал меня в самом конце площади и схватил за рубашку.

– Михал! Да стой же ты! – Он дернул меня назад, и я чуть не упал, потому что он очень сильный.

– Бе-бе-бе-жим! – пробормотал я, потому что на нервной почве снова начал заикаться.

– Сейчас? Ты с ума сошел! Ведь сейчас начнется самое интересное! – Мирек покрутил пальцем у виска, сел на тротуар и обхватил руками покрытые ссадинами колени. – Садись, чего стоишь? Жарко.

– Н-н-но нас п-п-поймают!

– Кто нас поймает? Мы ничего не знаем, ничего не сделали. Сидим себе, и все. Выходной день, вот и сидим, – заявил Мирек и стал всматриваться в фонтан. – Наверное, придется немного подождать, пока... О-о-о!!!

Я уставился на фонтан и вытаращил глаза. Струя поникла и била теперь неравномерно, как будто на фонтан напала икота. А потом началось!

Ух ты! Никогда в жизни такого не видел! В фонтане забулькало, и вместо воды вверх поднялась густая, переливающаяся всеми цветами радуги пена! Она выстрелила вверх широкой струей, расширявшейся на конце, словно зонтик или, скорее даже, атомный гриб.

Несколько недель назад к нам приезжал один дядя и показывал в комнате отдыха фильм про взрыв водородной бомбы и то, как надо себя вести, если начнется атомная война, – ну, там лечь ничком на пол у окна или под столом, прикрыть голову руками и так далее. Вот эта выстрелившая из фонтана пена выглядела точь-в-точь как атомный гриб! Только поменьше, конечно. В следующее мгновение пены стало боль-

ше, потом еще больше, она все густела, так что полностью поглотила гриб. Фонтан превратился в гигантский, все разбухавший пузырь лучезарного пуха, вскоре он выполз за бетонный парапет и теперь толстыми шматами выплескивался на брусчатку. Булькающая трепещущая гора пены была уже высотой добрых полтора метра. В мгновение ока она накрыла ограду, расставленные вокруг фонтана скамейки, добралась до газона и цветочных клумб. В окнах окрестных домов появились люди, кто-то закричал. Клумбы скрылись под клубами пены, которая подбиралась к фонарным столбам у тротуаров, и тут вдали раздалось завывание пожарной машины.

– А теперь смываемся, – сказал Мирек, повернулся на пятках и зашагал к остановке.

Мы сидели в трамвае и молчали. Ни он ничего не сказал, ни я. Это просто невозможно было передать словами! Когда мы подъезжали к Семяновице, я спросил только:

– Как ты думаешь, это покажут в новостях?

– Очень может быть, – серьезно заявил Мирек, а потом мы вышли из трамвая и съели по мороженому из итальянского автомата.

К сожалению, я не знаю, показали ли наш фонтан в новостях, потому что нам не разрешают их смотреть – в восемь тридцать уже полагается быть в спальне, так что с половины восьмого до половины девятого мы умываемся. Старшие воспитанники ложатся позже и смотрят новости, но мы бо-

ялись их спрашивать – уж они бы сразу догадались, что без нас тут не обошлось. Позже я думал, не рассказать ли обо всем тете Йоле, но решил, что не стоит, поскольку не хотел ее волновать, и хотя меня немного мучили угрызения совести, но все же не настолько сильно, чтобы я нуждался в наказании. Впрочем, угрызения совести и сами по себе – наказание!

Но должен признать, что этот булькающий радужной пеной фонтан и то жаркое солнечное майское воскресенье относятся к числу самых классных и одновременно самых ужасных воспоминаний за всю мою жизнь. Тем более классных и ужасных, что никто никогда не узнал о том, что мы тогда натворили.

Глава 2

Я вам уже много всего рассказал о ребятах из «Молодого леса» и о тех, кто там работает, и очень мало – о самом детском доме, а вам наверняка страшно интересно, как это место выглядит и как в нем живут, правда? Нет, я, конечно, шушу, потому что интересного тут мало – факт. Но я все же расскажу, только постараюсь покороче. Наверное, у большинства из вас есть мамочки, папочки и всякие родственники, а живете вы в многоэтажках или собственных домах, так что вам трудно себе представить, как это – жить в детском доме.

Вокруг главного здания – большая территория, она вся принадлежит нам. У нас есть спортивная площадка и задний двор – между домом и складом. Дальше сад и огород – весной, летом и осенью мы выращиваем там овощи. Сбоку склада – помойка и отдельный въезд, где останавливаются машины, которые привозят еду для столовой. Там же ставит свою красную «сирену» тетя Директор – она единственный владелец автомобиля, которого я знаю лично...

А, нет, простите, есть еще один! У дяди Радека имеется маленький «фиат», но он не очень часто на нем ездит – говорит, что не хватает терпения выстаивать очереди за бензином. Дядя Радек пользуется «фиатом» только во время отпуска и по воскресеньям.

Территория «Молодого леса» огорожена забором из про-

волоочной сетки, вдоль него высажены густые деревья и кусты. Там можно найти множество классных укрытий, но самые лучшие уже заняты старшими ребятами, так что нам достаются – как выражается Мирек – одни объедки.

В «Молодой лес» можно попасть с трех сторон, но самый главный вход – центральный. Если воспользоваться им, окажешься в холле. Стены до середины выкрашены блестящей масляной краской горчичного цвета, а выше – светло-желтой и более матовой. На полу лежат квадратные серо-зеленые плитки из специального твердого пластика, который называется ПВХ. Сбоку есть комната, где сидит дядя Вахтер. Возле его дежурки – гардероб. Там мы храним свои ботинки и куртки. Дальше – дверь в секретариат, через который можно войти в кабинет тети Директора, а левая дверь ведет в администрацию, бухгалтерию, комнату тети Завхоза и так далее.

Ближе к низкой лестнице – гостевая комната с белыми занавесками на окнах, перед дверью – столик главного дежурного. Тут лежит журнал, в котором полагается отмечаться, если выходишь из «Молодого леса». Ну, разве что ты решил удрать тайком – тогда, конечно, отмечаться не надо.

Из холла в главный коридор ведут три ступеньки, и ты попадаешь прямо в галерею. Так называют этот кусок коридора все, даже взрослые. Галерея просторная, и это важное место, тут устраивают линейки для отдельных этажей. Если в линейке должны принимать участие все детдомовцы, то-

гда ее организуют в актовом зале, это за галереей. Еще в актовом зале проходят всякие торжественные мероприятия, собрания перед каникулами и после, танцы, новогодние елки и прощания с теми детдомовцами, которые теперь самостоятельные (то есть закончили учебу и начинают взрослую жизнь). В актовом зале устраиваются спектакли и встречи с Интересными Людьми, которые приезжают, чтобы рассказать нам о себе и своей работе. У нас в гостях, например, уже были писатели, пожарные, милиционеры, солдаты, актеры, а один раз даже пилот и певица (не одновременно). Я очень надеюсь, что когда-нибудь к нам сюда придет Мирослав Гермашевский, первый и пока единственный польский космонавт, который два года назад летал на корабле «Союз-30» на околоземную орбиту. Пан Гермашевский очень знаменит, у нас, наверное, нет ни одного ребенка, который бы о нем не слышал! Год назад мы даже устроили в его честь праздник – пели о нем песни и читали стихи. Вообще пана Гермашевского знают во всем мире!

В школе я узнал, что за свое космическое путешествие он получил орден Ленина, орден «Крест Грюнвальда», а еще «Золотую Звезду» Героя Советского Союза – представляете?! Раз ему дали такие важные награды, значит, полет пана Гермашевского в космос был необычайно опасным и волнительным. Я совершенно уверен, что он встретил там летающие тарелки и вообще! Я понимаю, что он очень занят и, вероятно, у него масса работы на космодроме, но правда очень

надеюсь, что он все же к нам придет. Я бросил в ящик для идей уже пятнадцать приглашений для Гермашевского и наметил вопросы, которые хотел бы ему задать, если он все-таки придет. Наверное, мне бы не хватило смелости что-то сказать во время встречи (сто процентов начал бы заикаться), но я решил, что отдам список тете Йоле и она спросит от моего имени. Вот эти вопросы, их шесть:

- 1. Сражались ли вы в космосе с инопланетянами и какие они?*
- 2. Разноцветные ли звезды вблизи?*
- 3. Что вы ели в космосе?*
- 4. Что вам снилось, когда вы спали в состоянии невесомости?*
- 5. Как вы мылись в состоянии невесомости?*
- 6. Слышно ли что-нибудь в космосе? (Сначала я написал «Что слышно в космосе?», но решил, что это звучит несерьезно.)*

У меня есть еще один вопрос, но я стесняюсь его записать, хотя мне действительно очень интересно. Он касается туалета в космическом корабле – я никак не могу себе представить, как можно сделать, чтобы в состоянии невесомости содержимое унитаза не разлеталось, ведь, учитывая тесноту в ракете, это имело бы самые трагические последствия. Мы с ребятами из моей группы не раз обсуждали эту проблему,

но так ничего и не придумали. Мирек считает, что такой туалет должен быть устроен примерно как пылесос. Я не уверен, хотя это кажется логичным, потому что ни за какие сокровища мира не могу поверить, чтобы пан Гермашевский, который получил такие важные заграничные награды, мог бы воспользоваться подобной конструкцией!

Если бы когда-нибудь на доске объявлений написали, что к нам собирается Мирослав Гермашевский, я бы, наверное, до самого его приезда ни на секунду не сомкнул глаз! Я себе эту встречу часто воображаю. А вдруг он обратил бы на меня внимание? А вдруг что-нибудь мне сказал бы? А вдруг... Ой, я знаю, это просто дурацкие мечты, но вот если бы он меня полюбил и захотел стать моим гостевым дядей? Если бы так случилось, я бы, наверное, в обморок от радости упал. Однажды я видел, как одна девочка упала в обморок, – очень запомнилось, потому что дело было в столовой и она несла поднос, а мне повезло – я как раз на нее смотрел...

Ах да, я же собирался рассказать о «Молодом лесе», а не о своих дурацких мечтах и девочках, которые падают в обморок в столовой!

В галерее, помимо ящика для идей и витрины с объявлениями, стенгазетой и знаменем «Молодого леса», висят также портреты всяких Важных Людей. В том числе Ленина, Антона Макаренко, Януша Корчака и Эдварда Герека. Вы, наверное, не знаете, кто они такие. Тогда слушайте:

1. Ленин – тот русский, который придумал коммунизм,

а потом сделал революцию, благодаря которой мы в Польше теперь так хорошо живем, а детдомовцам всё дают бесплатно – это, собственно, всё, что я – в общих чертах – знаю, хотя мне кажется, что все дети в мире получают одежду, игрушки и еду бесплатно, ведь денег-то они еще не зарабатывают! Коммунизм, который придумал Ленин, – это общественный строй, то есть способ, каким организована жизнь во всей стране. Он заключается в том, что многие вещи дешевые или даже бесплатные, но у людей очень мало что есть, они почти ничего не могут достать, и им не полагается жаловаться. Теперь коммунизм называется «социализм».

2. Антон Макаренко – очень известный советский педагог, который придумал детские дома – во всяком случае, современные, потому что до этого были приюты, которые гораздо хуже. Я уже три раза смотрел фильм «Педагогическая поэма» по его роману. Его показывают в комнате отдыха каждый сентябрь, но за то время, что я тут живу, было всего три сеанса, потому что один раз проектор сломался. Этот фильм рассказывает об одном детском доме для «хулиганов» и их героическом воспитателе, и все происходит в Советском Союзе до войны. Фильм довольно интересный, но мне не нравится из-за цветов – все какое-то желтое.

3. Януш Корчак так же знаменит, как Макаренко, потому что он еще до войны руководил домом сирот и, кажется, детям там было очень хорошо. Еще он написал книгу «Король Матиуш Первый» – фильм по ней мы тоже смотрели в ком-

нате отдыха, и мне даже понравилось, хотя он и грустный. Но самое главное – когда во время Второй мировой войны немцы решили убить всех детей из приюта пана Корчака, он сказал, что не покинет их и по собственной воле пошел вместе с ними на смерть! Я не могу себе представить, чтобы наша тетя Директор так же поступила в подобной ситуации, хотя вот тетя Йола, может, и решилась бы. Но если начнется новая война, то будут сбрасывать атомные бомбы, так что не стоит переживать из-за такого рода вещей – все и так погибнут, и мы, и тети, и дяди, и даже немцы, и Земля потом будет выглядеть, как Венера, на которую полетели астронавты в фильме «Безмолвная звезда». Мнения о том, будет ли атомная война, у нас разделились. Я, несмотря ни на что, в нее не верю, потому что вряд ли все-таки люди такие идиоты, чтобы уничтожить всю Землю и убить самих себя, а еще все растения и всех животных. Но на всякий случай я часто рисую планы противоатомного убежища, которое хотел бы когда-нибудь построить. Оно было бы очень большим, в кладовой хранились бы запасы на двадцать лет для десяти человек, потому что я точно подсчитал, кто будет жить со мной в этом убежище. Тетя Йола, Невалышка, Мирек, Шимек, Куба, дядя Фридерик, тетя Янина – она станет нам готовить – и еще Климек, который в рамках взаимопомощи иногда помогает мне по математике. Одно место я оставил свободным про запас – вдруг познакомлюсь с кем-нибудь классным.

4. А Эдвард Герек был до недавних пор дядей Директо-

ром всей Польши! Нашей страной правит Польская объединенная рабочая партия, которая называется ПОРП и которая очень следит, чтобы все мы были счастливы, так вот, сколько я себя помню, он всегда был ее лидером. К сожалению, несколько недель назад Герек перестал управлять нашей страной, и теперь у нас новый лидер по фамилии Каня – но тетя Директор, видимо, пока не нашла его фотографию, поэтому в витрине по-прежнему висит дядя Герек. Я считаю, что это хорошо – мы его очень любим, потому что он тоже из Силезии, а кроме того, обещал, что скоро в Польше будет лучше, чем на Западе, и мы все будем страшно богатыми. Мне кажется, это отличная мысль, я даже удивляюсь, что прежде никому она не пришла в голову, ведь взрослые так жалуются на нехватку денег и вещей, которые можно за них купить. Тетя Завхоз, например, говорит, что вечно ломает голову, где взять для нас одежду, особенно ботинки, которых никогда не бывает в магазинах. Иногда промышленные предприятия присылают в «Молодой лес» кое-какие вещи, но тетя Завхоз утверждает, что они отдают нам всякое барахло. Действительно, один раз фабрика подарила нам рубашки, так у всех левый рукав был длиннее правого. На целых десять сантиметров! Тетя заявила, что эти рубашки прислали в детский дом потому, что в магазине их никто бы не купил, но мы не особенно переживали. Подумаешь – один рукав длиннее другого, можно застегнуть манжету на пуговицу, и никто не заметит. Хуже то, что все они были одина-

ковые. Одежды у нас мало, так что, если бы мы надели эти рубашки одновременно и пошли бы в них в школу, все бы сразу поняли, что мы из детского дома. Да, в большинстве школ ученики носят халаты. Но после уроков-то почти все их снимают! В школе и так известно, откуда мы, но проходим знать об этом необязательно. К счастью, тетя Завхоз велела перекрасить рубашки в разные цвета, а другая тетя – которая учит старших девочек портновскому делу – взялась их перешить. Когда в Польше будет так же хорошо, как на Западе, не придется перешивать рубашки. И не будет карточек на сахар, мясо, масло, муку, рис и крупу – то есть таких специальных талонов, которыми нужно платить в магазине вместе с деньгами, если хочешь купить эти продукты. Бензина всем будет хватать, и каждый сможет купить себе машину. Исчезнут очереди перед магазинами, потому что все можно будет купить в любой момент, совсем как в валютных магазинах, и тетя Завхоз перестанет переживать. И телевидение будет работать целый день, с утра до вечера, оба канала! Станет правда супер, и я надеюсь, что случится это скоро.

Ну вот опять! Я же собирался рассказать о нашем детском доме, а не о дяде Гереке с его идеями! Но, собственно, самое главное вы уже знаете.

Еще на первом этаже находятся главная комната отдыха, комната с телевизором, столовая, учительская, библиотека и главная учебная комната. За столовой – медкабинеты и комната тети Гигиенистки. На этажах – спальни, комнаты

дежурных воспитателей, туалеты, ванны и игровые комнаты поменьше. На верхнем этаже живут воспитатели, которые приехали из других городов и у которых нет своего жилья, и есть еще разные другие помещения.

Из дома на склад можно попасть через стеклянный переход, так что, даже если дождь, можно идти в тапочках. Я уж не буду подробно описывать это здание – кроме наших личных вещей там хранятся, например, велосипеды, мячи и другой спортивный инвентарь, садовые инструменты, запасная мебель, постельное белье и так далее. Ужасно много, но, если ты живешь в «Молодом лесу» столько времени, сколько я, разобраться нетрудно.

Глава 3

А теперь я вам расскажу, как мы обычно проводим время в «Молодом лесу» – с утра до вечера. Как выглядит самый обычный день, вот, например, вроде сегодняшнего.

Сначала звонит будильник на тумбочке у кровати Кубы, который в этом учебном году будет старостой группы «Сан» – мы его избрали в сентябре. В прошлом году старостой был Кшисек, но его перевели в другой детский дом – я не жалею, потому что отношения у нас были так себе.

Раз звонит будильник, значит, на часах без пяти шесть. Я довольно долго лежу с закрытыми глазами, совершенно неподвижно – и злюсь. Ненавижу эти утренние побудки, мало что на свете я ненавижу так же сильно, как их, но ничего не поделаешь, надо – значит, надо. Хотя, будь у меня такая возможность, я бы спал сколько влезет – пока сам не проснусь. Несколько раз в жизни мне это удалось: я болел, и не надо было идти в школу. У меня была высокая температура, что само по себе не слишком приятно, но я все-таки очень надеюсь, что это повторится и опять удастся поспать вволю. Сейчас, например, я бы очень обрадовался, окажись, что у меня температура и не надо вставать. Куба выключает будильник и сонным голосом объявляет:

– Встаем...

Но сам не встает, и мы тоже, потому что пять минут-то

еще можно полежать и порадоваться тому, как классно под теплым одеялом. Ровно в шесть в коридоре раздается ужасно пронзительный звонок, а в пять минут седьмого в нашу спальню, как всегда, заглядывает тетя Матильда – убедиться, что мы встали. Мы уже на ногах и сонно бродим между кроватями – если бы она обнаружила, что мы еще лежим, устроила бы настоящий ад.

В «Молодом лесу» поднимается шум – слышно, как хлопают двери, кто-то разговаривает, кто-то кричит, журчит в раковинах вода. К счастью, за окнами в это время года уже светит солнце. Хуже всего вставать зимой, когда еще темно, так что повсюду горят дребезжащие под потолком светильники, которые я очень не люблю. Мы застилаем кровати и в тапочках ковыляем в ванную, чтобы почистить зубы, ну и вымыть все, что полагается. Утром мы только умываемся, душ – вечером, через день.

Потом мы возвращаемся – если что, можно еще завернуть по дороге в уборную. Одеваемся и идем завтракать – нужно все успеть до семи. Ребята из нашей группы уже ушли, а я жду Неваляшку, потому что он медленнее всех натягивает штаны и причесывается – хотя причесывать нам особенно нечего. Волосы у всех должны быть короткими – раз в две недели приезжает тетя Парикмахер и подстригает нас. Неваляшка наконец готов, и мы с ним спускаемся в столовую. Тут толпа народу, но пока тихо, потому что не все еще до конца проснулись. Сегодня на завтрак рисовая каша на моло-

ке, хлеб, сыр, колбаса и клубничный джем. Пьем мы горячее молоко, а те, кого откровенно мутит при виде пенки, – чай. Мне она не мешает, хотя я очень слежу, чтобы случайно ее не проглотить. Я завтракаю и стараюсь не слишком торопиться, а то потом придется ждать Неваляшку. После еды мы относим посуду к специальному окошку. В прошлом месяце наша группа дежурила по кухне, и нам пришлось целую неделю вставать в пять утра. Я стоял с другой стороны этого окошка и забирал грязную посуду, а остальные ее мыли. Должен вам сказать – приятного мало. К счастью, в «Молодом лесу» детей достаточно, так что дежурство выпадает всего два раза в год.

Теперь бегом наверх за ранцами, потому что уже поздно. Я мчусь в раздевалку, надеваю ботинки, беру свой мешок со сменкой, отмечаюсь в журнале и иду в школу. Неваляшка никуда не идет, с ним занимаются прямо здесь. Когда холодно и дождь, я ему немножко завидую, но в такие дни, как сегодня, – нет. Солнце уже ярко светит, в воздухе – запах жасмина, и, даже если настроение у тебя не ахти, все равно на душе делается веселее.

До нашей школы спокойным шагом можно дойти за десять минут, а добежать – даже за пять, так что я еще ни разу не опоздал на урок.

Мы почти все ходим в эту школу. В моем третьем «В» из «Сана» – еще Мирек и Шимек, плюс шесть ребят из других групп, всего получается почти треть класса. Сидим мы

на задних партах – не потому, что нам велели, а как-то само так вышло. Другие дети из третьего «В» живут в обычных семьях, не сказать что мы прямо дружим, но, в общем, и не ссоримся. Возможно, они бы с нами не церемонились, но бо-ются Мирека, который сразу после каникул врезал Ареку – тот обозвал Розу «найденыш-несмышленьш». Это девочка из нашего детского дома, из группы «Варта». Честно гово-ря, не такое уж страшное оскорбление, да Роза и не обиде-лась, но Миреку требовался повод, чтобы – как он вырази-ся – провести профилактику. Профилактика очень важна, тетя Стоматолог всегда это повторяет! Так что Мирек провел профилактику, и теперь нас не трогают, просто весь третий «В» нас дружно игнорирует. Учительница «нормальная», но ее не полагается называть «тетей». С другими учителями не все так гладко – большинство из них считает, что от детей из «Молодого леса» сплошные проблемы, и, если кто-нибудь что-нибудь натворит, сразу думают на нас. Правда, чаще все-го оказывается, что, увы, так оно и есть, но все равно это несправедливо, вот!

Вообще школа, как любая школа, – мука мученическая, ничего интересного. Ну, разве что уроки польского. Я очень хорошо учусь по польскому, во втором классе у меня вышла за год пятерка. Это была единственная пятерка в моем днев-нике, так что я ею очень-очень горжусь. Не могу сказать, что обожаю писать диктанты, но вот сочинения люблю, особен-но на свободную тему, например «Опиши придуманный го-

род» или «Как выглядит твой путь в школу». Однажды наша учительница прочитала мое сочинение вслух и сказала, что я написал лучше всех. Когда она читала, мне было одновременно неловко и приятно. Никогда раньше я не испытывал эти два чувства разом, так что запомнил тот момент.

Наша учительница очень хвалит мои сочинения и говорит, что я способный, поэтому я считаю, что она классная. К тому же жутко умная, ведь она одна учит нас всем предметам – польскому, природоведению, математике и всему прочему. Представляете? Чтобы знать эти предметы от начала до конца, нужно иметь ума палату – как выражается тетя Янина с нашей кухни.

Занятия заканчиваются около двух, и мы возвращаемся в «Молодой лес». Обратный путь обычно занимает уже не десять минут. Как правило – гораздо больше, хотя это зависит от того, с кем идешь. Сегодня мы возвращаемся вместе с Шимеком. Шимек «нормальный», хотя – как сказала когда-то тетя Матильда – пороха не изобретет. У Шимека есть и мама, и папа, да еще в придачу пять сестер – да-да, одни девчонки! Одна из них тоже живет в «Молодом лесу», две – в другом детском доме в Катовице, и только самая младшая сестренка осталась с родителями. В семье Шимека так получилось потому, что жить всем вместе им негде: дом сгорел, причем на глазах у Шимека! К счастью, никто не пострадал. Пожар устроила его мама: выпила и заснула с зажженной сигаретой. Родители Шимека – алкоголики, а когда человек ал-

коголик, это дело безнадежное: водку не победишь, как сказал один дядя из милиции – он приезжал к нам в гости и выступал в актовом зале. Так что Шимек и его сестры не могут жить с родителями, но те приходят их навещать – ну, во всяком случае, время от времени появляются.

– «Варшава», – говорит Шимек, оглядываясь на проезжающую машину. – «Ныса».

Этот парень просто спятил на почве автомобилей. Он знает абсолютно все марки, которые можно увидеть на польских дорогах, даже такие, о которых я никогда не слышал.

– «Шкода», – равнодушно бросает Шимек. – О, «Стар», бетономешалка. Класс!

– Сходим в городской парк, к памятнику? – спрашиваю я, потому что жалко вот так сразу возвращаться домой. В сквере возле памятника героям-повстанцам всегда интересно, там много стариков, они симпатичные. Никуда не торопятся, приглашают посидеть с ними на скамейке, а когда узнают, что ты из детского дома (если признаешься), могут дать пару грошей или угостить конфетами, если есть с собой.

– Ну-у-у... – Шимек колеблется. – Там нет машин.

– Да что ты! Там же вокруг улицы и ездит множество автомобилей, – возражаю я, но Шимек меня не слушает.

– «Вартбург», – говорит он.

– Ладно, тогда пойдем к «Радуге», – предлагаю я. – Пойдем?

Шимек на мгновение задумывается, потом пожимает пле-

чами и сворачивает к универмагу. Мы добираемся до цели и останавливаемся на углу улиц 1 Мая и Кароля Сверчевского, рядом с клумбой. Шимек присаживается на желтую цепь, натянутую между столбиками, которые отделяют тротуар от мостовой, поворачивается спиной к магазину и, раскачиваясь, следит за проезжающими машинами. Раскачиваться на цепи нельзя, так говорила нам тетя Йола, но я молчу. Наблюдаю за людьми. Перед «Радугой» – километровая очередь, как я и думал! Если повезет, может, кто-нибудь предложит мне постоять и покараулить место, когда ему надо будет отойти на минуту. Я пару раз подменял тут в очереди разных людей, и получил за это в общей сложности целых сто злотых!

– Большой «фиат». «Сирена». «Варшава», – бормочет Шимек. – «Волга». «Москвич». О! «Полонез»!

Я оглядываюсь – тут уж и мне становится интересно, ведь «полонезы» появились совсем недавно, это самый новый польский автомобиль! Мне кажется, он выглядит совсем как заграничные машины – обалденный квадратный перед и скошенный зад, словно у гоночного автомобиля! Глядя на него, легко поверить, что уже скоро в Польше будет лучше, чем на Западе, – ну, раз у нас выпускают такие суперские авто! Тот, что как раз проезжает мимо, – желтый, такое ощущение, что он только что с конвейера. Люди в очереди вытягивают шеи и провожают его взглядом.

– Ну что, малец, постоишь немного? – спрашивает кто-то

за моей спиной, и я поспешно оборачиваюсь.

Рядом стоит дядя в джинсах и нейлоновой немнущейся рубашке с коричневым узором. На носу у него темные очки, на шее – толстая золотая цепочка.

– А-а-а, чего? – осторожно спрашиваю я.

– За приятелем сбегая, говорят, миксеры выбросили, но дают по одному в одни руки, а так мы хоть парочку возьмем. Постоишь минутку? За мной не заржавеет.

Я делаю вид, что раздумываю, притворяюсь, что мне это не особо и надо и что его просьба ужасно осложнит мне жизнь, наконец отрешенно вздыхаю и киваю головой в знак согласия.

– Добро! – говорит дядя и протягивает мне руку. Я с серьезным видом пожимаю ее, и он ставит меня в очередь на свое место. Очень даже неплохое, у самого входа.

– Сына оставляю, он постоит. Я через пять минут вернусь, – громко говорит дядя.

– Сына? – с сомнением отзывается тетя в цветастом платье – она стоит за мной. – Знаю я вас! Сейчас еще пятерых наглецов вроде себя приведете!

– Да что вы! Я только за шурином! – протестует дядя.

– За шурином! Знаю я этих шуринов! – восклицает тетя в цветастом платье. – Да зачем вам вообще этот миксер? Вы хоть знаете, зачем людям миксеры?! Купите, чтобы перепродать, знаю я вас, сто раз уже вашу физиономию тут видела!

– Вы, наверное, на радио работаете, да? – отзывается дядя.

– Я? – Тетя смотрит удивленно. – Нет. Почему?

– А потому что поговорить любите, – отвечает дядя. – Я был совершенно уверен, что на радио.

Тетя хмурит брови и глубоко задумывается над его словами, а дядя подмигивает мне и бежит за приятелем. Ну вот сами скажите, разве не стоит после школы сходить к «Радуге»? Мало того что можно заработать пару злотых, так еще и развлечение. Мне становится очень весело. Теперь все думают, что этот дядя – мой папа, а я его сын! Уже три раза взрослые, которых я заменял в очередях, заявляли, что я – их сын. Я поправляю ранец и стою, гордо выпрямив спину.

– Ну и хам! – заявляет тетя в цветастом платье, которая наконец обдумала услышанное. Теперь она обращается ко мне: – Твой отец – хам.

– Н-н-неправда! – отвечаю я слишком быстро и немного слишком громко, так что, разумеется, начинаю заикаться. – М-м-мой п-п-папа... Он очень м-м-меня лю...

Я умолкаю, делаю вдох, считаю в уме до пяти, потом велю себе успокоиться и выговариваю вполне сносно:

– Мой папа очень меня любит, и он вовсе не хам.

Тетя не слушает, но я все равно собой горжусь. Как учила меня тетя Йола – достаточно успокоиться и говорить медленно, тогда все получится. Завтра после школы я опять пойду к «Радуге», даже если буду возвращаться один. Может, снова что-нибудь выбросят и выстроится очередь?

– Что дают? – спрашивает какая-то женщина, подойдя

к двери и пытаюсь заглянуть в магазин.

– Миксеры, – ворчливо сообщает ей тетя в цветастом платье.

– О-о-о! – удивляется женщина. – А на кой мне миксер? Вот колготки бы подошли. Колготок нет?

– Что я вам – справочная, что ли? – раздражается тетя в цветастом платье. – Нет колготок!

Я оглядываюсь – сидит ли Шимек на ограде. Разумеется, он на месте: на улице Кароля Сверчевского машин, наверное, больше всего в городе, так что ему еще нескоро надоест.

Жарко, а на небе ни облачка. Воздух пахнет горячим асфальтом и бензином. Очередь продвигается очень медленно, только через полчаса я оказываюсь за дверью. Тут чуть прохладнее, но душно, почти нечем дышать. Я немного беспокоюсь – тот дядя сказал, что вернется через пять минут, а уже половина третьего прошла. В три надо быть в детском доме, иначе мы пропустим обед и будет скандал.

Дядя возвращается с тремя приятелями, когда я уже приближаюсь к прилавку, за которым мечется усталая продавщица. Полки пустые – только на одной стоит ряд картонных коробок с ручными миксерами.

– Ну, малыш, вот и я, – сообщает дядя.

– Что-о-о?! – восклицает тетя в цветастом платье. – Вы одного шурина собирались привести, а не трех!!!

– А братья дома оказались, – беззаботно объясняет мужчина и поворачивается к ней спиной, потом заговорщицки

мне подмигивает и украдкой сует свернутую купюру. Целых пятьдесят золотых одной бумажкой, представляете?

– Знаете, если мне из-за вас не хватит, я этого так не оставлю! – кричит тетя в цветастом платье. – Я милицию вызову, если вы у меня товар из-под носа уведете!

У меня улыбка от уха до уха. Протискиваюсь через толпу к выходу. Шимек, к счастью, по-прежнему сидит на цепи.

– Пошли, – говорю я.

Мы успеваем вернуться к трем – никто даже не спохватился. Дежурный отмечает нас в журнале, мы бросаем в раздевалке куртки и ботинки и мчимся в столовую.

На обед сегодня гороховый суп, нормально. На второе – котлеты с картошкой; тетя Янина подмигивает мне и кладет на тарелку целые картофелины, с краю котла, потому что остальные, в центре, она разминает специальной алюминиевой толкушкой. Я люблю смотреть, как тетя Янина эту картошку давит, но есть такую не люблю. Еще вареная свекла, а на десерт – яблочный компот. Вполне приличный обед. А вот по пятницам нам не дают мяса – или рыба, или макароны с творогом, или крутые яйца под соусом из хрена. Я очень люблю яйца, но не на обед же! Вот блюда, которые я больше всего не люблю: капустные щи, огуречный суп (если очень кислый), рыбные котлеты, колбасные котлеты, язык (ужас!!!), печень и шпинат, а еще пудинг с вишневым соком. А люблю я отбивную, жаренную с луком кровяную колбасу (только чтобы лука побольше!), блинчики с сыром, курицу,

фруктовый суп с вермишелью, бульон с клецками и компот из черешни.

После обеда я иду делать уроки в учебную комнату на нашем этаже, потому что там спокойнее, а потом... Потом – свободное время!

А еще совсем не поздно, даже нет шестнадцати тридцати! Ну, теоретически у нас занятия в столярной мастерской, но мне неохота туда идти. Я проверяю расписание на завтра, вынимаю из шкафчика учебники и тетрадки, которые мне понадобятся на следующий день, потом ставлю собранный ранец в свое отделение на полке – и готово!

Захожу в спальню и вынимаю из своей тумбочки жестяную коробочку из-под чая – надо спрятать пятьдесят злотых, которые я получил возле универсама «Радуга». У меня в этой коробке уже куча денег, я пока не знаю точно, что куплю. Хотелось бы телескоп, но подозреваю, что на него придется копить еще очень долго, я не знаю, сколько он стоит и вообще где такие вещи продаются. Кроме того, я немного боюсь, что кто-нибудь его у меня стащит или ломает, хотя можно было бы хранить телескоп на складе. Я старательно закрываю коробку и убираю поглубже в тумбочку, потом прикрываю свернутым полиэтиленовым пакетом. Я этой коробочкой очень дорожу, не только потому, что в ней все мои сбережения. Она у меня всю жизнь, сколько я себя помню – наверное, осталась от мамы, и ее привезли в дом малютки вместе с остальными моими вещами. Я бы очень расстроил-

ся, если бы она пропала. Я закрываю тумбочку на ключ, прячу его в карман брюк и иду искать Неваляшку.

Почему я, собственно, люблю Неваляшку? Я все думаю об этом, потому что на самом деле уже много раз убеждался, что любить кого-то рискованно и кончается это плохо. Люди появляются и исчезают, и ты ничего не можешь с этим поделать. Однажды ты вернешься из школы и выяснится, что тетю, которую ты любил, или какого-нибудь твоего друга переехали в другое место, и тебе потом еще долго будет очень плохо.

Был в Рыбнике один мальчик, Фредек Мордес, я его очень любил, и он меня тоже. Мы вместе играли и спали в одной комнате. Так вот, однажды его просто забрали из детского дома! Оказалось, что он возвращается к своей маме, которая нашла работу в Новой Гуте и получила там квартиру. А ведь эта мама даже ни разу – ну вот ни разочка! – не приехала к Фредеку, ни разу ему не написала и не позвонила! Утром, когда мы встали, пришла тетя и сказала: «Мордес, ты едешь к маме. Собирай вещи». И все. Боже мой, как мы оба плакали! Я больше, потому что он все же радовался, что едет к маме, хотя немного трусил. Фредек уехал после обеда, и больше я его не видел. Он даже открытку мне не прислал, хотя я сам продиктовал целых три письма тете, у которой был адрес Фредека в Новой Гуте, она послала их по почте. Мне потом долго хотелось плакать, и еще я злился. Кроме того, я начал гораздо сильнее заикаться, я это хорошо

помню, хотя вообще все это время в Рыбнике как-то постепенно блекнет в моей памяти. Потом я старался уже никого слишком сильно не любить. Даже этого моего дядю с бородой, который смеялся как ненормальный в автобусе, когда мы ехали за грибами, я старался слишком сильно не полюбить – и правильно сделал, ведь и он в конце концов исчез! Ну вот, а теперь этот Неваляшка!..

Иногда я думаю, что, может, люблю его просто потому, что нет другого выхода, ведь если бы я за ним не присматривал, он бы постоянно попадал в переделки.

Но иногда мне приходит в голову, что я люблю его потому, что ему хуже, чем мне. Он не очень сообразительный, все время раскачивается, маленький, худой и говорит гораздо, гораздо хуже, чем я! Кроме того, он всегда меня слушает, и с ним я совершенно не заикаюсь, хотя в целом я и так не особенно заикаюсь, когда разговариваю с другими ребятами, если они моего возраста или даже немного старше. Кроме того, Неваляшка так хорошо ко мне относится! – я об этом знаю, а ведь всегда приятно, когда знаешь, что кто-то тобой восхищается. Наверное, поэтому я его и люблю.

Но на самом деле невозможно до конца объяснить, почему тебе кто-то нравится или почему ты кого-нибудь любишь. Сколько раз я встречал ребят, которые ужасно любили своих родителей, хотя те, по-моему, вообще не заслуживали их любви... Да миллион раз! Порой я боюсь, что Неваляшку переведут в другое место из-за того, что он все же «чокнутый»,

так что изо всех сил помогаю ему в учебе. Но это вряд ли, потому что с уроками он справляется неплохо, а родители у него, на мое счастье, – алкоголики, так что суд не должен отдать им Неваляшку. Можно, как говорится, спать спокойно.

Я забираю Неваляшку из комнаты отдыха, где он, разумеется, сидел со своим комиксом о Титусе – второй частью, той, где механическая лошадка Розалия. Книжка совсем уже разваливается, тетя Йола помогала мне склеивать страницы прозрачной клейкой лентой. Понятия не имею, почему Неваляшка так привязан к этой книжечке. Один раз ребята со второго этажа, те, что помладше, хотели ее у него отнять – это был один из восьми случаев в моей жизни, когда мне пришлось драться, чего я очень не люблю. К счастью, я их победил, да, – правда, они были меньше меня, хоть и набросились втроем на одного.

Мы берем комикс и идем в комнату с телевизором, потому что сейчас будут показывать «Семнадцать мгновений весны». Это советский сериал, но Штирлиц, то есть главный герой, говорит по-польски, и остальные актеры тоже, потому что фильм дублирован. Большинство из нас предпочитает капитана Клосса¹, но Штирлиц – очень даже ничего, а Неваляшка от него просто в восторге. Он говорит «Сьтийлиц» – смешно, правда? Мне гораздо больше нравился «Кос-

¹ Капитан Клосс – герой польского приключенческого сериала «Ставка больше, чем жизнь» (1967–1968). – *Прим. ред.*

мос: 1999»², который показывали в прошлом году по субботам на канале «Студио 2». Вот это было да! Космические корабли, звезды, НЛО и вообще! Я даже моргать забывал, когда смотрел! Очень жалко, что этот сериал больше не идет по телевизору.

В комнате полным-полно народу, потому что всем ужасно интересно, что сегодня сделает Штирлиц, агент советской разведки, внедренный в ряды СС (это такие самые плохие гитлеровцы).

Вообще, я большой любитель телевидения и жалею, что в «Молодом лесу» так мало телевизоров и что они не цветные. Я видел по телику очень много фильмов, которые мне ужасно понравились и которые я запомнил. Например, «Одно другого интересней», о трех приключениях детей, причем третье – самое интересное – происходит в космосе. Еще мне нравилось «Дознание пилота Пиркса» – этот фильм сняли по книге Станислава Лема, она есть в нашей библиотеке, и в этом году я собираюсь ее прочитать. Из телесериалов я, конечно, люблю «Четырех танкистов и собаку» и Клосса, но кто же в Польше их не любит – наверное, таких просто нет. Еще мне нравились «Путешествие за улыбку»³, «Каникулы

² «Космос: 1999» – научно-фантастический телесериал (1975–1977). – *Прим. ред.*

³ «Путешествие за улыбку» – польская черно-белая молодежная комедия (1972). – *Прим. ред.*

с привидениями»⁴ – это из детских, но «Револьвер и котелок»⁵ – тоже, хоть он и взрослый. Я его на «Студио 2» смотрел целых три раза.

Мы дожидаемся «Спокойной ночи, малыши!», а потом идем ужинать. Сегодня бутерброды с яичной пастой и бисквит, ну и чай, конечно. После ужина можно делать что хочешь – только к телевизору нас уже не пускают. Так что мы с Неваляшкой идем в комнату отдыха. Сначала играем в шашки – это я его научил, а потом Неваляшка берет своего «Титуса», а я – потихоньку – «Релакс» с полки для старших ребят. «Релакс» – это тоже комиксы, только в каждой тетрадке много разных коротких историй. Некоторые начинаются и сразу заканчиваются, а другие разделены на серии и продолжение каждой надо искать в следующей книжке. Сейчас я читаю «Ваханара!» и «Бионик Яга» – одновременно, потому что обе серии начались в восемнадцатой тетрадке. «Ваханара!» интереснее, но в «Бионике» такие классные рисунки! Если бы кто-нибудь из воспитателей поймал меня за чтением «Релакса», наверное, мне бы влетело, так что я прикрываю его свежим номером «Мира молодежи» – если смотреть со стороны, можно подумать, что я просто читаю газету.

Около восьми группа «Сан» может идти в ванную, и мы

⁴ «Каникулы с привидениями» – польский детский сериал (1970–1973). – *Прим. ред.*

⁵ «Револьвер и котелок» – британский детективный телесериал (1961–1969). – *Прим. ред.*

отправляемся под душ, потому что сегодня как раз душевой день. Моемся мы все вместе, но душ у каждого свой – просто между ними нет перегородок. Я очень рад, что теперь нас никто не мочет! В душе за нами даже не особенно следят – только иногда заходит тетя Матильда, у которой дежурство начинается в восемнадцать ноль-ноль. Сначала тетя Матильда каждый раз проверяла, всё ли мы помыли и насколько тщательно, но потом убедилась, что мы вполне справляемся, так что теперь только время от времени заглянет кому-нибудь в уши – как она выражается, для очистки совести. Я не люблю купаться вместе с другими, а уж когда меня мыли – просто ненавидел. Некоторые тети были еще ничего, но другие трясли меня, как мешок, а вода всегда оказывалась или слишком холодной, или слишком горячей, да еще мыло то и дело попадало в глаза. Но хуже всего – стричь ногти. Ой, у меня от одной этой мысли прямо все внутри переворачивалось! Хуже всего было в Рыбнике. Все дети после купания садились у стены на длинную деревянную скамейку. Обычно в пижамах или завернутые в полотенца. Приходили две тети Нянечки – они не были воспитательницами, а просто пеленали малышей, которые еще писали в пеленки, убирали, вытирали носы, чистили уши и так далее. Мы должны были сидеть на этой скамейке, вытянув вперед ноги, – а тети Нянечки присаживались на корточки и – раз-два! – подстригали всем ногти, совсем как конвейер на фабрике. У них получалось быстро, но стригли они всегда слишком коротко, иногда

даже до крови, и уж во всяком случае больно было надевать ботинки. Закончив с ногами, Нянечки принимались за руки. Тут они были немного осторожнее, но все равно мы боялись до дрожи и орали как ненормальные.

В «Молодом лесу» я очень хотел побыстрее сам научиться стричь ногти. И все время просил, чтобы мне позволили это делать, но только тетя Йола разрешила, хотя, конечно, поначалу очень за мной следила. Я в два счета научился, и теперь горя не знаю.

Все мытье – вместе с чисткой зубов – занимает у нас минут десять. Потом мы идем в спальню, ложимся и, если останется еще немного времени до того момента, когда погасят свет, читаем или болтаем. Сегодня вот второе.

– Мне сестра написала, – говорит Шимек.

– Мне тоже кое-кто написал, – презрительно отвечает Мариуш, но ему никто не верит, потому что он ужасный выдумщик. – Длинное-предлинное письмо!

– И где оно, интересно? – спрашиваю я.

– Хранится на складе.

– На складе? Ну да, как же, как же... – прыскает Мирек. –

Вот что мозги твои там хранятся – в это я охотно поверю.

Мы все смеемся, а Мариуш краснеет.

– Я правда получил письмо! Если я говорю, значит, так оно и есть! – обижается он.

– Ну и кто же тебе написал? – интересуется Ежи.

– Мама! – тут же отвечает Мариуш. – И ума⁶ тоже!

– В одном конверте – сразу два письма. Целых два! – продолжает Мариуш.

– Твоя мама сидит, – заявляет Зенек, который вечно действует мне на нервы: он непрерывно шмыгает носом и вытирает его рукавом; когда я это вижу, меня начинает мутить.

– Ну и что? В кутузке тоже дают бумагу и ручку, – упирается Мариуш. – А впрочем, моя мама скоро выйдет на свободу и заберет меня отсюда!

Мариуш – самый большой врунишка из всех, кого я видел в жизни, я вам точно говорю! В самом начале, вскоре после того, как я приехал в «Молодой лес», ему удалось просто суперски обвести меня вокруг пальца.

⁶ Ума – «бабушка» на силезском диалекте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.